

Михаил Строгов

Автор:

Жюль Верн

Михаил Строгов

Жюль Габриэль Верн

«- Получена новая телеграмма, ваше императорское величество. - Откуда? - Из Томска. - Действует ли телеграф дальше Томска? - Никак нет, его перервали вчера. - Немедленно доложите мне, как только будет получена новая депеша. - Слушаюсь, ваше императорское величество, - отвечал генерал Кисов...»

Жюль Верн

Михаил Строгов

Файл создан по изд.: Жюль Верн. Михаил Строгов: Роман. Пер с фр. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1900.

* * *

Часть первая. От Москвы до Иркутска

Глава I. Бал в Большом Кремлевском дворце

- Получена новая телеграмма, ваше императорское величество.

- Откуда?

- Из Томска.

- Действует ли телеграф дальше Томска?

- Никак нет, его перервали вчера.

- Немедленно доложите мне, как только будет получена новая депеша.

- Слушаюсь, ваше императорское величество, - отвечал генерал Кисов.

Этот разговор происходил в два часа ночи, в самом разгаре бала в Большом Кремлевском дворце. Роскошные залы были переполнены танцующими; в воздухе носились звуки вальса, мазурки и польки, без перерыва исполняемых двумя военными оркестрами, и эхо веселых мотивов доносилось до стен старого Кремля, переживших на своем веку столько кровавых событий. Особы императорской фамилии принимали деятельное участие в танцах, подавая пример приглашенным. Раздались торжественные звуки полонеза, и танцующие выстроились парами. Сотни люстр, отражавшихся в зеркалах, заливали ослепительным светом роскошные туалеты дам и усеянные орденами мундиры военных и гражданских сановников. Громадный зал дворца с потускневшей от времени позолотой плафона, с богатыми штофными драпировками представлял достойную раму для этой блестящей картины. Издали дворец казался освещенный заревом - так велик был контраст между этим залитым огнями зданием и окружавшим его городом, погруженным в глубокий мрак. В темноте лишь смутно белели колокольни церквей да изредка сверкали фонари на судах, стоявших вдоль Москвы-реки. Августейший хозяин был в мундире егерского полка и своей скромной одеждой резко отличался от окружавших его сановников и своей свиты - блестящих конвойцев в живописных кавказских костюмах. Он переходил от одной группы к другой, но мало кого удостоивал беседой и рассеянно прислушивался как к веселой болтовне танцующих, так и к

серьезным разговорам, которые велись между сановниками и иностранными дипломатами. Самые наблюдательные из них подметили некоторую озабоченность на лице державного хозяина, но никто не осмеливался об этом говорить, сам же он прилагал все усилия, чтобы не омрачить своим беспокойством веселый праздник. Когда государь прочел поданную ему генералом Кисовым телеграмму, лицо его стало еще мрачнее.

– Итак, – проговорил он, – со вчерашнего дня нет никакого сообщения с великим князем, моим братом?

– Никакого, ваше императорское величество, и я даже опасаюсь, что скоро телеграммы будут доходить только до азиатской границы.

– Послано ли предписание войскам Иркутского, Якутского и Забайкальского округов двинуться к Иркутску?

– Этот приказ был отдан им в последней телеграмме, которую удалось переправить за Байкал.

– Есть ли еще сообщение с Енисейской, Омской, Тобольской губерниями и Семипалатинской областью?

– Точно так, ваше императорское величество, и в настоящее время известно, что бухарцы еще не перешли за Иртыш и за Обь.

– Есть ли известия об изменнике Огареве?

– Никаких, – отвечал генерал Кисов. – Неизвестно, перешел ли он границу или нет.

– Пошлите немедленно секретное предписание искать его в Пермь, Екатеринбург, Касимов, Тюмень, Ишим, Омск, Кольвань, Томск и во все телеграфные пункты, сообщение с которыми еще не прервано.

– Приказание вашего императорского величества будет исполнено, – отвечал Кисов.

Поклонившись государю, он смешался с толпой и вскоре исчез из дворца, никем не замеченный. События, о которых велся приведенный выше разговор, не для всех были тайной. Многие лица, занимавшие высокие административные должности, имели смутное понятие о происходившем, но всякий держал свои мысли про себя. Только двое из присутствовавших вели шепотом оживленный разговор о событиях дня. Из этих двух лиц один был англичанин, другой – француз. Оба они были худощавы и высокого роста, но этим и ограничивалось их сходство, во всем же остальном эти два человека представляли самый разительный контраст. Первый был, подобно большинству своих соотечественников, невозмутимо-флегматичен, скуп на слова и на жесты, тогда как второй был олицетворенная живость: не только лицо его, но и все движения принимали участие в разговоре; а глаза его пронизывали насквозь и замечали все, что вокруг него происходит. Зато собеседник его мог похвастаться удивительно развитым слухом: он тотчас запоминал раз услышанный голос и безошибочно мог узнать его через десятки лет. Острое зрение и тонкий слух были весьма ценны для обоих, так как англичанин состоял корреспондентом «Ежедневного Телеграфа»; что же касается его коллеги, то он никому не сообщал, в какой газете или в каких газетах сотрудничает, а говорил в шутку, что переписывается со своей кухней. Имя французского корреспондента было Альсид Жоливе, имя англичанина Гарри Блэнт. В качестве представителей печати оба они получили доступ во дворец и тут встретились впервые. Соревнование побудило их вступить в беседу, в которой каждый мог незаметно выпытать все, что известно другому.

– Не правда ли, какой роскошный бал? – заметил Жоливе. – Великолепный!

– Я уже телеграфировал об этом, – невозмутимо отвечал Гарри Блэнт.

– Впрочем, – продолжал его собеседник, – я сообщил моей кухне...

– Какой кухне? – спросил изумленный англичанин.

– Ах да, я вам еще не говорил, что состою в переписке с моей кухней Мадленой. Она любит своевременные и точные известия, а потому я счел долгом сообщить ей, что государь показался мне чем-то озабоченным.

– Я этого не нахожу, – уклончиво заметил англичанин.

– А помните ли вы, господин Блэнт, что в 1812 году, когда императору Александру I в самом разгаре бала донесли, что Наполеон перешел со своим авангардом Неман, он остался на балу и выказал столько же хладнокровия...

– Сколько наш августейший хозяин, – перебил английский корреспондент, – когда генерал Кисов доложил ему, что изменники испортили телеграфную проволоку между азиатской границей и Иркутском.

– А вам это уже известно?

– Без сомнения.

– Впрочем, и у меня были на этот счет довольно точные сведения, – самодовольно заметил Альсид Жоливе, – и моя последняя телеграмма была из Нижнеудинска.

– А моя из Красноярска, – с не меньшим самодовольством возразил Блэнт.

– А знаете ли вы, какой приказ послан войскам в Николаевск?

– Знаю, равно и как и то, что тобольские казаки получили предписание выступить в город.

– Совершенно верно, господин Блэнт, и я завтра же поделюсь этими новостями с моей кузиной.

– А я с подписчиками «Ежедневного Телеграфа», господин Жоливе.

– Как видно, нам предстоят интересные наблюдения, и мы, верно, еще не раз встретимся, – сказал француз.

Тут оба корреспондента расстались, в душе очень довольные тем, что, по-видимому, оказались противниками равной силы. В эту минуту двери в соседний зал растворились настежь, и взорам гостей представились накрытые к ужину столы, украшенные цветами и уставленные драгоценной серебряной посудой, севрским фарфором и хрусталем, ослепительно сверкавшим при ярком освещении люстр. В то время как приглашенные размещались за столами,

генерал Кисов вернулся во дворец.

– Какие известия? – с живостью спросил император, отведя его в сторону.

– Все те же, ваше императорское величество, телеграммы доходят только до Томска.

– Сейчас же пришлите ко мне курьера!

Глава II. Русские и бухарцы

События, происходившие в Азиатской России, были такого свойства, что внушали серьезную тревогу, и потому не мудрено, что царь покинул своих гостей в самый разгар празднества. Последние полученные известия подтверждали его опасения; между подвластными России кочевниками Туркестанского края вспыхнуло восстание, грозившее охватить всю Сибирь – эту огромную область в пятьсот шестьдесят тысяч квадратных верст с двухмиллионным населением. В то время, о котором ведется наш рассказ, управление Сибирским краем было возложено на двух генерал-губернаторов; из них один жил в Иркутске, другой в Тобольске, главных пунктах Восточной и Западной Сибири. Железной дороги еще не существовало, и средством сообщения служили в летнее время тарантасы или телеги, а в зимнее время – сани. Единственным признаком проникавшей и в этот далекий край цивилизации был телеграф, соединявший пункты Восточной Сибири с Европейской Россией на протяжении восьми тысяч верст, но и этот способ передачи известий стоил очень дорого и производился гораздо медленнее, чем теперь. При самом начале восстания, зачинщики его позаботились порвать телеграфную проволоку под Томском, а несколько часов спустя и далее, по направлению к Колывани. Таким образом, единственное, что мог сделать царь для передачи своих повелений на восточную окраину Сибири, было послать туда курьера. Отдав генералу Кисову это приказание, он, стоя у окна, погрузился с свою невеселую думу, которая была прервана камер-лакеем, доложившим ему о приходе московского обер-полицмейстера.

– Расскажите мне, – обратился к последнему император, – все, что вам известно об Иване Огареве.

Полицмейстер поклонился в знак повиновения и начал свой рассказ.

– Это весьма опасный человек, ваше императорское величество; он всегда выдавался из среды прочих офицеров своим умом, но в то же время своим неукротимым характером и беспредельным честолюбием. Он дослужился до чина полковника, но два года тому назад, когда открылось его участие в тайном политическом обществе, он был, по приказанию его императорского высочества, великого князя, предан военному суду, разжалован и сослан в Сибирь. Через полгода он был прощен по всемилостивейшему манифесту и получил разрешение вернуться в Европейскую Россию. Впоследствии Огарев вторично отправился в Сибирь, на этот раз добровольно. По возвращении оттуда он некоторое время жил в Перми, не имея определенных занятий. Там он сначала находился под надзором полиции, но так как в его поведении не было ничего подозрительного, то за ним перестали следить. В марте текущего года он выехал из Перми, но куда – неизвестно.

– Мне это известно, – прервал император. – Я получил несколько анонимных писем, которым начинаю верить, ввиду событий, происходящих теперь в Сибири.

– Ваше величество считаете Огарева причастным к бухарскому нашествию?

– Да, – отвечал государь, – и вот что я узнал: выехав из Перми, Огарев отправился в Сибирь, в киргизские степи, где с успехом пытался возбудить восстание между кочевниками. Оттуда он направился к югу, в Туркестан. В Бухаре и Коканде также нашлись предводители, примкнувшие к нему с целью вести туземные полчища в северную Сибирь, чтобы освободить ее от русского владычества. Сначала эта интрига велась тайно, но теперь восстание открыто вспыхнуло, и все пути сообщения между Западной и Восточной Сибирью преграждены. В последней телеграмме, посланной в Нижнеудинск, я отдал приказ собрать войска, находящиеся в Енисейском, Иркутском, Якутском, Приамурском и Забайкальском краях, а также двинуть на восток полки, стоящие в Перми и Нижнем Новгороде, но они встретятся лицом к лицу с бухарцами не раньше, как через несколько недель; тем временем брат мой не имеет никакого сообщения с Москвой. Он рассчитывает на помощь со стороны ближайших к Иркутску городов, но не подозревает, что Огарев, которого он не знает в лицо, составил заговор на его жизнь. Этот изменник питает беспощадную ненависть к великому князю как виновнику его разжалования и рассчитывает, прибыв в Иркутск под чужим именем, овладеть доверием моего брата и выдать город бухарцам. Великого князя надо немедленно известить об этом, послав к нему

курьера, что я и приказал сделать.

– Посланный не должен терять ни минуты, – прибавил обер-полицмейстер. – Осмелюсь доложить вашему величеству, что Сибирь представляет удобную почву для восстания – как политические ссыльные, так и прочие преступники легко могут принять сторону нападающих.

Полицмейстер был прав, так как большая часть кочевого киргизского населения уже примкнула к восставшим.

Какого пункта достигли нападавшие в то время, когда это ужасное известие пришло в Москву, – никто не мог сказать: телеграфное сообщение, которое одно могло вовремя предупредить великого князя об измене Огарева, было прервано, и заменить его мог только курьер. От посланного требовалось много ума и мужества для того, чтобы беспрепятственно проехать страну, занятую мятежниками, но император не терял надежды отыскать такого человека.

Глава III. Михаил Строгов

Спустя несколько минут после того, как удалился обер-полицмейстер, государю доложили о приходе генерала Кисова.

– Здесь ли курьер? – обратился к нему император.

– Да, ваше императорское величество, и это именно такой человек, какой нам нужен. Он уже давно служит в фельдъегерском корпусе и несколько раз с успехом выполнял трудные поручения. Он родом из Омска и знает Сибирь вдоль и поперек.

– Сколько ему лет? – спросил император.

– Тридцать лет, ваше императорское величество; у него железное здоровье и поистине золотое сердце, а вместе с тем он мужествен и хладнокровен, что необходимо для исполнения его трудной задачи. Словом, я могу за него поручиться головою.

– Как его зовут?

– Михаил Строгов.

– Пусть он войдет, – сказал царь.

Вошедший фельдъегерь был высокого роста, пропорционально и крепко сложен. Его мощная фигура казалась воплощением физической силы. Черты его лица были правильны и приятны; густые темные волосы слегка вились, а добрый и открытый взгляд красивых синих глаз невольно привлекал внимание к нему всякого. Грудь его была украшена Георгиевским крестом и несколькими медалями. В каждом слове и движении Строгова был виден энергичный человек, умеющий пользоваться обстоятельствами и неуклонно идущий к своей цели.

Строгов как сибирский уроженец хорошо знал не только местность, которую ему предстояло проехать, но также и наречия многочисленных народностей, населявших ее. Детство и раннюю молодость он провел в своем родном городе Омске, где старуха мать его осталась доживать свои дни, овдовев лет за десять до начала нашего рассказа. Петр Строгов был страстным охотником и, воспитывая сына, старался закалить его. Еще мальчиком Михаил нередко сопровождал отца на охоту за дичью или помогал ему расставлять капканы для лисиц и волков, а лет одиннадцати уже выходил с рогатиной на медведя. Старик Строгов был на редкость счастливым охотником: он убил на своем веку более сорока медведей, а известно, что это число, по охотничьему поверью, считается роковым. Когда Михаилу было четырнадцать лет, он не только один убил медведя, но, содрав с него шкуру, пронес ее за несколько верст до дома, что ясно указывает на необычную для его возраста силу. Полученное им суровое воспитание приучило юношу стойко переносить голод, жажду и всякие лишения, а также развило в нем наблюдательность к окружающим явлениям природы. Строгов страстно любил свою мать, и когда был принят на службу в фельдъегерский корпус, то при прощании обещал старухе навещать ее, как только будет представляться возможность. Служба его шла очень успешно, особенно удачна была данная ему командировка на Кавказ, где в то время было еще много последователей Шамиля, пытавшихся снова возбудить горцев к восстанию. Ловкость и мужество, выказанные Строговым в это путешествие, были по достоинству оценены, и с тех пор его карьера была упрочена. Верный своему обещанию, он каждый отпуск ездил повидаться с матерью, пока не получил снова командировки на юг, где пробыл три года и откуда только что

вернулся перед началом этого рассказа. Он рассчитывал на получение отпуска и уже начал собираться в дорогу, когда получил предписание явиться к императору. Исполняя это приказание, он и не подозревал, какое трудное поручение на него возложат. Наружность и спокойное достоинство, с каким держался Строгов, по-видимому, понравились государю.

- Как твое имя? - спросил он.

- Михаил Строгов, ваше императорское величество.

Предложив Строгову эти вопросы, государь присел к столу, написал несколько строк и, запечатав конверт своею печатью, вручил его курьеру.

- Вот письмо, - сказал он, - которое ты передашь великому князю в собственные руки. Тебе придется проехать страну, занятую мятежниками, которые будут стараться перехватить письмо. В особенности остерегайся изменника Огарева, с которым, может быть, встретишься дорогой. Тебе придется проезжать через Омск?

- Так точно, ваше императорское величество.

- Ты не должен видаться с матерью, иначе можешь быть узнан.

- Слушаюсь, ваше императорское величество, - отвечал Михаил Строгов после минутного колебания.

- От передачи этого письма, - продолжал император, - зависит спасение всей Азиатской России и, может быть, жизнь моего брата. Ручаешься ли ты за успех?

- Я доберусь до великого князя, ваше императорское величество, или буду убит, - отвечал Строгов.

- Ты не должен рисковать жизнью, она мне нужна!

- Я доеду живой, - уверенно отвечал молодой человек.

Эта уверенность в своих силах благотворно подействовала на государя.

– Поезжай, Строгов, – сказал он, – и да будет с тобою благословение Божие и молитва русского народа!

Михаил Строгов отдал честь и вышел из кабинета.

Глава IV. Из Москвы в Нижний Новгород

Строгову предстояло проехать до Иркутска пять тысяч двести верст. Когда телеграфа еще не существовало в Сибири, то депеши доставлялись туда курьерами. В качестве царских посланных, они пользовались всякими льготами для скорейшего передвижения, но, несмотря на это, им приходилось употреблять на свое путешествие от четырех до пяти недель, а в исключительных случаях никак не менее трех. Зимой сообщение по Сибири было гораздо удобнее, так как санный путь значительно облегчал его, но и тут мешали метели, сильные туманы и нападение волков, которых голод часто заставляет выходить на дорогу целыми стаями. Михаил Строгов, как истый сибиряк, не боявшийся ни волков, ни морозу, предпочел бы путешествовать зимой, но у него не было выбора. Кроме того, что ему приходилось спешить, он должен был сохранять строгое инкогнито, опасаясь шпионов, которыми кишела охваченная мятежом страна. Поэтому генерал Кисов, вручая ему значительную сумму на путевые издержки, снабдил его также паспортом на имя иркутского купца Николая Корпанова для свободного выезда во все города Европейской и Азиатской России и с правом иметь при себе одного или двух спутников. Путешествуя под видом частного лица, фельдъегерь не мог уже рассчитывать на то, чтобы получать почтовых лошадей скорее, нежели прочие смертные, и потому подвергался тем же случайностям и задержкам, как и всякий другой путешественник. Расстояние от Москвы до азиатской границы не представляло особенной трудности: тут он мог выбирать между железной дорогой, парходом и почтовым трактом. Утром 16 июля Строгов явился на вокзал к утреннему поезду. На нем была одежда небогатого торговца, но под платьем был спрятан револьвер и большой охотничий нож. По его расчету, часов через десять он уже должен был достигнуть Нижнего Новгорода.

В том вагоне, куда сел Строгов, было довольно много народу; он притворился, будто дремлет, а сам продолжал зорко следить за своими спутниками и прислушиваться к их разговорам. Соседи его, по большей части купцы, едущие

на Нижегородскую ярмарку, принадлежали к различным национальностям; между ними были евреи, персы, армяне, калмыки и т. д., но почти все говорили по-русски. Разговор их касался нашествия бухарцев, киргизского восстания и тех мер, которые были приняты русской полицией для ограничения ввоза продуктов из Азии.

Эти меры должны были очень невыгодно отразиться на ярмарочной торговле.

– Говорят, что цены на чай поднялись, – заметил один из купцов, костюм которого обличал в нем перса.

– Тем, кто торгует чаем, бояться нечего, – возразил с недовольным видом старый еврей, – а вот что касается бухарских ковров, так с ними дела плохи.

– А вы ждете транспорта из Бухары? – спросил перс.

– Из Самарканда, и в этом вся беда. Разве можно рассчитывать на провоз товара по стране, охваченной восстанием!

– Ну что делать, – сказал третий путешественник, – не получите вы своих ковров, не выручите и барыша за их продажу.

– Вам хорошо говорить, – возразил жид, – сейчас видно, что вы сами не торгуете.

– Зато я покупаю ваши товары, – заметил, смеясь, его собеседник, – правда, в небольшом количестве и только для своего личного употребления.

– Этот субъект мне что-то подозрителен, – шепотом сказал перс своему соседу. – Будем осторожнее, а то как раз наскочишь на шпиона.

В другом отделении вагона тоже говорилось о событиях дня, но уже с другой точки зрения. Путешественники опасались трудности достать почтовых лошадей и с ужасом говорили, что скоро полиция будет препятствовать переезду даже на пароходах и железных дорогах, так что попасть в восточные города Сибири сделается невозможным. Как видно, тема разговора была во всем поезде одна и та же, но все говорившие высказали необычайную сдержанность в своих суждениях, что было тотчас же замечено одним из путешественников. Это был,

очевидно, иностранец, совершенно незнакомый с местностью, по которой проезжали. Он беспрестанно открывал окно и высовывался из него, чем крайне раздражал своих спутников, спрашивал названия местечек, через которые проходила дорога, интересовался предметами их торговли и промышленности, числом жителей и т. д., и все полученные сведения заносил в свою записную книжку. Это был уже знакомый нам француз, корреспондент Альсид Жоливе, а цель его расспросов, очевидно, была сообщить что-нибудь интересное своей кузине. Но его болтовня заставляла соседей остерегаться его как шпиона, и ему пришлось занести в свою книжку следующую заметку:

«Путешественники весьма молчаливы и в разговоре о политике от них слова не добьешься».

В поезде было еще другое лицо, столь же заинтересованное разговором спутников, как и наш француз: это был Гарри Блэнт, ехавший в другом вагоне и не подозревавший присутствия в поезде своего коллеги. Англичанин всю дорогу молчал, зато он внимательно слушал своих соседей, которые, не считая его опасным, разговаривали при нем, не стесняясь. Ему было что послушать, и наблюдения свои он выразил так:

«Путешественники очень встревожены событиями дня, они только и говорят что о войне и судят о действиях правительства чрезвычайно смело».

Между тем полицией были приняты все меры, чтобы схватить Огарева, который, как предполагалось, еще не успел выехать из Европейской России. На каждой большой станции вагоны осматривались, и если кто-либо из едущих казался подозрительным, его задерживали для обыска. Во Владимире в тот вагон, где сидел Строгов, вошло несколько новых пассажиров, между прочим, молодая девушка лет семнадцати, которой пришлось сесть как раз напротив нашего героя. Она была среднего роста и очень стройна, но ее миловидное личико было печально. Должно быть, будущее представлялось ей в мрачных красках, хотя по ее лицу было видно, что это энергичная натура, готовая бороться с жизнью, несмотря на свою молодость. Молодая путешественница была, очевидно, небогата: весь ее багаж состоял из небольшого саквояжа, который она держала в руках. Одежда ее была также очень скромна: широкий дорожный плащ, темное платье, очень просто сшитое, прочная обувь, очевидно предназначенная для продолжительного путешествия, и соломенная шляпа, из-под которой выбивались роскошные золотистые волосы. Строгов, рассеянно взглянувший на девушку при ее появлении, тотчас почувствовал в ней характер,

сходный с его собственным, и это заставило его приглядеться к ней внимательнее. Он не искал случая завязать разговор, но, когда путешественник, сидевший рядом с девушкой, задремавши, толкнул ее, Строгов его разбудил и попросил не беспокоить соседку. Тот сначала покосился на непрошеного защитника, но, видя по его лицу, что он шутить не намерен, предпочел пересесть подальше. Молодая девушка посмотрела на Строгова, и ее взгляд выразил немую благодарность. Верст за двенадцать не доезжая Нижнего, поезд едва не сошел с рельсов на крутом повороте. Пассажиры, испуганные сотрясением, вскочили со своих мест и, как только поезд остановился, бросились из вагонов, хотя скоро выяснилось, что никакого несчастья не произошло. Строгов, взглянув на свою молодую спутницу, с удивлением заметил, что она спокойно осталась сидеть на месте и только слегка побледнела.

«Эта девушка не из робких», – невольно подумал он.

Происшествие это заставило поезд опоздать часа на два, но к вечеру он благополучно достиг Нижнего Новгорода. Все прибывшие должны были предъявить свои паспорта, не выходя из вагонов. Осматривавший их чиновник, посмотрев паспорт, поданный ему молодой девушкой, спросил ее:

– Вы едете из Риги в Иркутск?

– Да, – отвечала она.

– Какою дорогой?

– На Пермь.

Услыхав этот разговор, Строгов почувствовал невольное страдание к своей юной спутнице, которой предстояло совершить в полном одиночестве такую длинную и опасную дорогу. Он хотел подойти к ней, но как только дверцы вагона открылись, молодая девушка легко спрыгнула на землю и скрылась в толпе, прежде чем он успел ее остановить.

Глава V. Неожиданный приказ

Чем дальше к востоку, тем путь нашего героя становился медленнее и затруднительнее, так как в Нижнем путешествие его по железной дороге прекращалось.

Тотчас по прибытии в этот город Строгов отправился на пароходную пристань, чтобы узнать, когда идет пароход в Пермь. Оказалось, что ему надо ожидать следующего дня, что было крайне неприятно нашему герою. Отыскать себе пристанище на ночь было тоже нелегко ввиду того, что все гостиницы оказались переполненными. Наконец Строгову удалось найти свободный номер в гостинице «Константинополь». Поужинавши, он не лег спать, а пошел бродить по улицам, окутанным прозрачными сумерками летней ночи. Мысли его невольно обратились к молодой девушке, бывшей в течение нескольких часов его спутницей. Ему пришло в голову, каким неприятностям она легко могла подвергнуться одна среди разноплеменной толпы, наполнявшей Нижний во время ярмарки. Он охотно выступил бы ее защитником, но по какому праву и притом, где разыскать ее?

«Уже теперь, – думал он, – положение ее незавидно, что же будет дальше? Как доберется она до Иркутска и зачем туда едет? Она слышала тревожные толки в вагоне, но не выказала ни удивления, ни испуга; следовательно, ей уже было заранее известно о восстании. Причины, побуждающие ее к путешествию, вероятно, очень важны, если заставили ее решиться на этот путь, зная, с какими опасностями он сопряжен. Но при всем ее мужестве она едва ли достигнет цели своей поездки – препятствия и утомление наверно сломят ее».

Занятый своими мыслями, Строгов машинально двигался вперед, пока усталость не дала себя почувствовать. Он присел на скамейку возле одного из деревянных барачков, выстроенных на месте торга. Вдруг чья-то рука, опустившаяся на его плечо, заставила его вздрогнуть.

– Что вы тут подделываете, барин, – раздался возле него грубый голос, и герой наш, подняв голову, различил в нескольких шагах от себя какую-то высокую фигуру.

– Отдыхаю, – отвечал он.

– Что же, вы и ночевать тут хотите? – продолжал свои расспросы незнакомец.

- Может быть, - возразил Строгов с оттенком нетерпения.

- Дайте-ка взглянуть на себя, - продолжал неотвязчивый собеседник.

- Это совершенно лишнее, - спокойно сказал фельдъегерь и из предосторожности отступил на несколько шагов.

Теперь он разглядел незнакомца: это был, очевидно, цыган, которых так много на всех ярмарках. Возле барака стояла одна из тех повозок, какие служат этим кочевникам для переездов. Дальнейший разговор бы прерван появлением женщины, которая высунулась из дверей барака и крикнула по-цыгански:

- Оставь его, это, наверное, шпион. Иди скорее, ужин на столе!

- Твоя правда, Сангарра, - отвечал цыган, - притом мы все равно завтра уедем.

- Завтра? - воскликнула та с удивлением.

- Конечно, - продолжал ее собеседник, входя в барак и запирая за собой дверь. - Ты сама знаешь, куда мы едем и кто нас посылает!

Строгов, знавший цыганское наречие, понял их разговор, но не придавал ему особенного значения и скоро о нем позабыл.

Вернувшись к себе в номер, он лег в постель и скоро уснул. Наутро, напившись чаю, он заплатил по счету и вышел, намереваясь позавтракать где-нибудь поближе к пристани. Уверившись, что пароход «Кавказ» отчалит ровно в полдень, он пошел, как и вчера, бродить по городу. Перейдя понтонный мост, соединяющий город с левым берегом Волги, он очутился недалеко от того места, где ночью встретился с цыганами.

Тут начинаются ярмарочные постройки, состоящие из деревянных зданий, разделенных широкими изгородями. Каждый род торговли занимал отдельный квартал: там были деревянные, железные, мясные, рыбные, пушные, мануфактурные ряды. Среди лавок толпилась масса народу, осматривая, выбирая, прицениваясь к разнообразным товарам, предлагаемым торгующими. Тут можно было встретить представителей всех наций, как европейских, так и

азиатских. Шум и суматоха еще увеличивались барабанным боем и духовой музыкой, которые неслись из балаганов, где непрерывно давали представления фокусники, акробаты и укротители зверей.

Между зрителями, наблюдавшими это интересное зрелище, оказались и знакомые уже нам корреспонденты, господа Блэнт и Жоливе. Встретившись, они несколько не были удивлены, но обменялись холодными поклонами и не вступали в разговор. Их мнения о Нижнем Новгороде совершенно расходились: французу посчастливилось найти порядочный номер и недурной обед, поэтому он отозвался о Нижнем весьма благосклонно, тогда как Блэнт, которому не удалось нигде найти пристанища, собирался разгромить в своей газете город, где путешественники были лишены самого необходимого комфорта.

Посторонний наблюдатель легко мог бы видеть, что на этот раз, несмотря на видимое оживление, в среде торговцев было заметно беспокойство. Волнения в Средней Азии очень невыгодно отразились на торговле теми товарами, которые привозились оттуда.

Был еще и другой признак, указывавший, что не все обстоит благополучно, это – полное отсутствие солдат, которые в ожидании внезапной тревоги были все собраны в казармах.

Вдруг в толпе разнесся слух, что генерал-губернатор получил очень важную депешу из Москвы и немедленно потребовал к себе полицмейстера. Строгов стал прислушиваться к ходившим в толпе толкам о том, что, пожалуй, закроют ярмарку, когда полицмейстер вдруг появился на подъезде губернаторского дома с какой-то бумагой в руке и громко прочел следующее:

«Приказ нижегородского генерал-губернатора:

- 1) Всем русским подданным воспрещается выезжать из губернии под каким бы то ни было предлогом;
- 2) Всем инородцам предписывается выехать из пределов ее через двадцать четыре часа».

Глава VI. Брат и сестра

Эти меры, несмотря на их неудобства для частных лиц, были вызваны необходимостью: они имели в виду если не предупредить, то хотя бы затруднить выезд Огарева из пределов Европейской России, и таким образом лишить Феофар-Хана самого опасного его пособника. Вместе с тем второй пункт приказа изгонял всех прибывших из Центральной Азии торговцев, равно как и цыган и прочих бродяг, которые принадлежали к монгольским народностям и потому легко могли оказаться шпионами.

Начались поспешные сборы: балаганы ломали, холст, натянутый над лавками, складывали и убирали в наскоро запряженные фургоны. Полицейские строго следили за исполнением указа и торопили тех, кто медлил.

Михаил Строгов, выслушав чтение указа, вспомнил загадочные слова цыгана, с которым встретился ночью: «Ты сама знаешь, – сказал тот позвавшей его женщине, – куда мы должны ехать и кто нас посылает». Слова эти как будто указывали на то, что принятая правительством мера была заранее известна этим кочевникам и, по-видимому, оказывалась им на руку. Внезапно молодого человека осенила другая мысль, заставившая его забыть все остальное: он вспомнил свою молодую спутницу и невольно воскликнул:

– Бедное дитя! Теперь уж ей ни за что не удастся перейти границу.

Строгов стал раздумывать, не может ли он оказать ей какую-нибудь помощь. Цель путешествия обоих была одна и та же, и на пути в Пермь они, по всем вероятностям, должны были встретиться. Желая оказать беззащитной девушке услугу, фельдъегерь в то же время сообразил, что и она может быть ему полезна как спутница, так как присутствие ее рассеет всякие сомнения в тождестве его с купцом Корпановым, каковым он значился в паспорте. Поэтому он твердо решил отыскать ее во что бы то ни стало, употребив на эти розыски те два часа, которые еще оставались до отплытия парохода. Он осмотрел все улицы, заглянул в церкви, но нигде не нашел молодой рижанки. Измученный поисками и почти потеряв надежду на успех, он зашел в канцелярию полицмейстера, чтобы предъявить свой паспорт. Хотя ему был разрешен свободный проезд всюду, но лучше было заранее удостовериться, что никаких препятствий не возникнет. В приемной полицмейстера оказалось громадное скопление народа. С помощью сунутого сторожу рубля нашему герою удалось проникнуть в канцелярию.

Вставши в очередь, он огляделся и вдруг увидел ту, которую так долго и безуспешно разыскивал. Молодая девушка сидела в стороне на скамейке, и ее поза выражала немое отчаяние. Очевидно, она пришла сюда, чтобы показать свой паспорт, еще не зная ничего об изданном указе, но так как никаких исключений не допускалось, то ей было отказано в пропуске. Подняв голову, молодая девушка вдруг увидела подходившего к ней Строгова, и ее лицо озарилось слабой надеждой. Она встала ему навстречу и уже готова была просить его о помощи, как вдруг его отозвал один из сторожей, сообщив, что его требует полицмейстер. Он должен был удалиться, к безграничному отчаянию девушки, терявшей в его лице последнюю надежду. Однако через несколько минут Строгов вышел из кабинета полицмейстера и направился прямо к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/zhyul-vern/mihail-strogov-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)